Научная статья /
Research Article

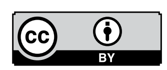
https://elibrary.ru/XHWWNS
УДК 821.161.1.0+82
ББК 83.3(2Рос=рус)4

«СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»: НЕЗАВЕРШАЕМОЕ VS НЕЗАВЕРШЕННОЕ

© 2025 г. Н.В. Корниенко
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 21 октября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 25 ноября 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-214-237

Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Аннотация: Статья посвящена текстологическим вопросам литературного наследия Платонова, которые призвано ставить и решать первое научное Собрание сочинений писателя, готовящееся в ИМЛИ. В центре статьи — история текста второго романа писателя «Счастливая Москва», который долгое время считался неоконченным; впервые был опубликован в 1991 г. по автографу семейного архива. Прослеживаются этапы работы писателя над романом, которая началась летом 1933 г.; на основании выявленных реалий времени, нашедших отражение на последних страницах автографа, устанавливается время, когда в рукописи была поставлена финальная точка (вторая половина декабря 1934 – первые дни 1935 г.). При всех признаках незавершенности романа (отсутствие традиционной для всех автографов писателя записи «Конец»; не снято около сотни вопросов на полях с разными пометами, авторская нумерация глав заканчивается на 9-й главе; на первой странице автографа заглавие «Счастливая Москва» зачеркнуто и вписано другое и др.) в статье выдвигается и доказывается тезис о принципиальной незавершаемости этого романа, его особом статусе в творческом поиске Платонова 1932/1933–1935 гг. и одновременно включенности «Счастливой Москвы» в историко-литературный контекст времени. Основные положения статьи базируются на новейших теоретических исследованиях, анализе рукописных материалов личных фондов Платонова и периодики, привлечении данных из издательских фондов РГАЛИ, позволяющих выстроить историю текста романа и его эдиционную историю.
Ключевые слова: Платонов, Собрание сочинений, роман «Счастливая Москва», история текста, основной текст, датировка.
Информация об авторе: Наталья Васильевна Корниенко — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. https://orcid.org/0000-0003-2231-1830
E-mail: natalkornienko@yandex.ru
Для цитирования: *Корниенко Н.В.* «Счастливая Москва»: незавершаемое vs незавершенное// Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 214-237. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-214-237

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

HAPPY MOSCOW: INCOMPLETABLE vs INCOMPLETED

© 2025. Natalia V. Kornienko
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: October 21, 2024
Approved after reviewing: November 25, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Acknowledgements: The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) "Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries."

Abstract: The article is devoted to textological issues of Platonov's literary heritage, which are to be addressed and solved by the first scientific collection of the writer's works, being prepared at the IWL RAS. The author focuses on the text history of the writer's second novel *Happy Moscow*" which for a long time was considered as unfinished. It was first published in 1991 from an autograph of the family archive. The article observes the stages of the writer's work on the novel, which began in the summer of 1933. Based on the identified realia, reflected on the last pages of the autograph, the research establishes the period when the manuscript was finalized (the second half of December 1934 – the first days of 1935). With all the signs of the novel's incompleteness (the absence of the note "The End," which is traditional for all the writer's autographs; about a hundred questions in the margins with various marks have not been removed; the author's numbering of chapters ends at the 9th chapter; on the first page of the autograph the title *Happy Moscow* is crossed out and another one is added, etc.), the author puts forward and proves the thesis about the fundamental incompleteness of this novel, its special status in Platonov's creative searching in 1932/1933–1935, and at the same time the integration of *Happy Moscow* in the historical and literary context of the time. The paper lies on the latest theoretical researches, analysis of manuscript materials from Platonov's personal funds, and data from the publishing funds of the Russian State Archive of Literature, which make it possible to reconstruct the history of the novel's text and its editional history.

Keywords: Platonov, Collected Works, the novel *Happy Moscow*, text history, main text, dating.

Information about the author: Natalia V. Kornienko, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. https://orcid.org/0000-0003-2231-1830

For citation: Kornienko, N.V. "*Happy Moscow*: Incompletable vs Incompleted." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 214–237. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-214-237 (In Russ.)

NB. Есть такая версия:

Новый мир реально существует, поскольку есть поколение искренно думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане оживленного «плаката», — но он локален, этот мир, он местный, как географическая страна наряду с другими странами, другими мирами. Всемирным, универсально-историческим этот новый мир не будет, и быть им не может.

Но живые люди, составляющие этот новый, принципиально новый и серьезный мир, уже есть и надо работать среди них и для них.

А. Платонов (Из записной книжки 1932 г.)

Выбор хронологического принципа как основного в общей композиции первого научного Собрания сочинений А.П. Платонова (см.: [25, с. 6–7]) был продиктован рядом причин: разнородностью наследия и его синкретичностью (взаимозависимость различных его пластов — художественного, философского, производственного, научно-технического) и обусловлен уровнем источниковедческой базы, точнее даже, на момент начала работы над 1-м томом, — ее отсутствием. Предстояло в рамках каждого периода творчества (тома) собрать из разных архивохранилищ и периодики *все* тексты Платонова, провести их датировку, подготовить текстологические карты каждого произведения, составить хронику этого периода, «наработать» материал для историко-литературного комментария. Все эти направления работы взаимосвязаны между собой. При фронтальном об-

следовании периодики приходилось не раз обнаруживать тексты писателя, ранее нам неизвестные, восстанавливать пропущенные звенья в эдиционной истории произведения[1], обнаруживать реалии повседневной жизни, позволяющие выйти к реальному комментарию произведения и его датировке (авторская датировка имеется только в автографах повестей 1927 г., в дальнейшем Платонов рукописи не датировал).

Актуальным и сегодня является освобождение текста Платонова от редакторских правок, от самых разных внешних добавлений, вставок, включая правку любимой супруги. Но все-таки самым сложным была и остается подготовка текстов (не все источники выявлены, проводится обследование различных архивохранилищ), а также выбор основного текста произведения, представленного разными редакциями и вариантами. Здесь не всегда приемлемыми оказываются принятые в текстологии установки: само наследие Платонова, острая специфичность его письма формулируют и ставят перед нами проблемы, требующие своего решения.

Об одной из таких проблем, связанных с подготовкой романа «Счастливая Москва» (том 5), и пойдет речь в нашей статье.

Несколько самых общих характеристик данного периода жизни и творчества Платонова и готовящегося 5 тома, который будет включать все написанное с конца 1932 по 1935 г.: прозаические, драматургические, философские, публицистические тексты, а также различные производственные материалы, научно-технические записки и изобретения.

После сокрушительной критики повести «Впрок» 1931 г., когда с писателем были расторгнуты все издательские договоры, он возвращается к своей первой профессии инженера и 5 мая 1932 г. поступает на службу

1 Долгое время считалось, что точку в вопросе издания романа «Чевенгур» поставил ответ А.М. Горького (письмо от 18 сентября 1929 г.) на просьбу Платонова «помочь тому, чтобы она [рукопись романа] была напечатана»: «...при неоспоримых достоинствах работы вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. <...> ...Среди современных редакторов я не вижу никого, кто мог бы оценить ваш роман по достоинству. Это мог бы сделать А.К. Воронский, но, как вы знаете, он "не у дел"» [31, с. 273–274]. При фронтальном обследовании периодики в «Комсомольской правде» была обнаружена информация, свидетельствующая, что после ответа Горького роман все-таки был принят к публикации на 1930 г. в издательстве «Молодая гвардия» (см.: [21, с. 645–646]), подготовлены его гранки (хранятся в фонде Платонова РГАЛИ и ОР ИМЛИ). Это смог сделать член правления издательства «Молодая гвардия» Г.З. Литвин-Молотов, которому мы обязаны изданием поэтического сборника Платонова («Голубая глубина», 1922) и первых книг его прозы («Епифанские шлюзы», 1927; «Сокровенный человек», 1928).

в трест «Росметровес» [20, с. 788]. Записные книжки 1931 и 1932 гг. свидетельствуют о напряженном литературно-философском поиске писателя, самых разных творческих замыслах, интересе к новым формам романа и современным темам. С принятием постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» (апрель 1932 г.) и некоторым потеплением общей атмосферы открывается возможность возвращения в литературную жизнь. Оставаясь на службе в тресте, Платонов активно включается в литературную работу. В марте 1934 г. в составе писательской бригады он уезжает в Туркмению, принимает участие в обследовании производительных сил республики (очерк «Горячая Арктика») и в подготовке литературного альманаха «Айдинг-Гюнлер» (рассказ «Такыр»); в январе 1935 г. вновь едет в Туркмению, по итогам этой поездки создается повесть «Джан».

На рабочем столе писателя находились в эти годы три романа, от которых остались материальные свидетельства: «Технический роман» (датируется условно второй половиной 1932 – 1933 г.; был завершен превращением первой части романа под заглавием «Хлеб и чтение» в повесть), «Македонский офицер» (сохранился небольшой фрагмент, первое упоминание романа появляется в записной книжке 1932 г.) и «Счастливая Москва».

В первых набросках к роману, сделанных летом 1933 г. [29, с. 65–67], главная героиня московского романа инженер-новатор Москва Ивановна Явная (другой вариант — Честнова) вполне вписывается в канон новой женщины реконструктивного периода, уже воссозданный Платоновым в пьесе «Высокое напряжение» (образ инженера Ольги Крашениной). Платонов отказывается от этого решения, оставляя героине только имя (Москва), а в остальном меняя как ее биографию, так и формулу героини.

В записной книжке 1933 г. появляются первые записи к роману с пометами «Для Сч<астливой> М<осквы>», «Важнейшее», «оч<ень> важно»:

> Она, Москва, жила независимо, не обращая внимание на теченье, на судьбу, на преследование мира, на всю чепуху, — на все, как некое растение, живое внутренним теплом, — под ветром, бурей, дождем и снегом.
>
> Оно отделилось ради соединения с будущим [26, с. 119];

Композиция Москвы —

то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть греющий очажок, иначе он, чел<овек>, не прожил бы и минуты [26, с. 121].

Здесь же среди записей к роману находится страница с рисунком раскрытия парашюта [26, с. 122].

В этой первой зарисовке образа главной героини московского романа, можно увидеть черты пролетарской Психеи, рационально неуловимой души человеческой, души-летчицы и будущей возлюбленной всех героев романа. На новом материале современности Платонов возвращается к главному проблемному узлу своего первого романа «Строители страны», юные герои которого, обуреваемые идеями революционной радикальной перестройки всей жизни России и мира, человека и природы, переживают глобальное потрясение, оказавшись во власти любви к одной женщине — Софье Крашениной. Этот сюжет сохранился в черновой рукописи романа, но он был оставлен писателем: историю почти роковой любви трех героев вытеснят из повествования события в городе Чевенгур (см.: [21]). Платонов вновь приступает к созданию любовного сюжета в «Техническом романе», но он также не получает своего развития: написанная пунктирно история странной молодой женщины Лидии Вежличевой, напоминающей скорее не Софью Крашенину, а Марью Ивановну из «Дураков на периферии», завершается отъездом героини в Москву, куда она почему-то отправляется, решив стать актрисой.

В «Счастливой Москве» его заглавная героиня, помещенная уже в другой исторический контекст, остается — до финальной точки — главным энергетическим и сюжетным центром повествования, а влюбленные в нее герои: землемер Божко, инженер Сарториус, врач Самбикин и вневойсковик Комягин — наделяются деталями биографии и творчества самого писателя. Землемер Божко, занятый составлением на языке эсперанто «почты человечеству» [30, с. 20] с великой целью «победить безмолвие между народами» [30, с. 12], напоминает о ранних философских проектах писателя, сердечной мечте Степана Копенкина о братстве пролетариев всего мира («Чевенгур») и носит фамилию руководителя треста, в котором работает Платонов, — А.Г. Божко-Божинского, с которым они были знакомы с Во-

ронежа начала 1920-х гг. Инженер Сарториус служит в том же тресте, что и Платонов, и занят тем же, что и его создатель, — изобретением электрических весов[2]. Врач Самбикин по-своему транслирует любимые идеи писателя о преодолении смерти и завоевании «будущего бессмертия», предлагает решить «всемирную задачу» — построить «основы диалектической психологии», объясняющей природу двойственного сознания человека, а в конце и вовсе планирует логически решить «загадку» любви к Москве Честновой. Появившемуся в жизни героини Комягину Платонов отдает не только свои ранние воронежские стихотворения, неосуществленные замыслы, но и перенесенный им, как и его героем, «три года назад» удар, исключивший его из современной литературы: «…точно кто-то ударил Комягина и он уронил перо навсегда» [30, с. 63]. Да и сама Москва Ивановна Честнова тоже, скорее всего, родом из родного города писателя. Ее биография не напоминает ни историю Софьи Крашениной, ни Лидии Вежличевой, а скорее разворачивает в сюжет спасенного ребенка-сироты метафору безотцовщины из романа «Чевенгур». Эта часть биографии героини, воссозданная на первых страницах романа, написана «сухим» языком документальной хроники[3]:

> Отец ее скончался от тифа, а голодная осиротевшая девочка вышла из дома и больше назад не вернулась. С уснувшей душой, не помня ни людей, ни пространства, она несколько лет ходила и ела по родине, как в пустоте, пока не очнулась в детском доме и в школе. Она сидела за партой у окна, в городе Москве. <…>
>
> Из школы Москва впоследствии сбежала. Ее вернули снова через год и стыдили на общем собрании, что она, как дочь революции, поступает недисциплинированно и неэтично.
>
> — Я не дочь, я сирота! — ответила тогда Москва и снова стала прилежно учиться, как не бывшая нигде в отсутствии.
>
> Из природы ей нравились больше всего ветер и солнце [30, с. 11, 13].

2 Авторское свидетельство Платонова и его брата П.П. Климентова № 38739 от 30 сентября 1934 г.; за разработку конструкции электрических весов Платонов был премирован; материалы обсуждения этого и других изобретений Платонова обсуждались в комиссии при Бюро изобретений и т. п. (см.: [1, с. 16; 20, с. 795–800]).

3 См. запись Платонова 1932 г. о поиске им новых повествовательных форм: «Сущностью, сухой струею, прямым путем надо писать. В этом мой новый путь» [26, с. 100].

Вероятнее всего, первые шесть глав романа были написаны во второй половине 1933 г., в качестве источника второй главы использован автограф рассказа «Любовь к дальнему»; он был вложен в общую рукопись, отредактирован и получил вторую нумерацию страниц.

31 июля 1933 г. Платонов подписал соглашение с Государственным издательством «Художественная литература» на «Технический роман» — объемом в 15 авторских листов; срок предоставления «перепечатанной» рукописи — «не позже 1/X-33»[4]. Роман включался в проекты издательского плана на 1934 г.[5]. Однако в другом варианте плана 1934 г., составленном в том же 1933 г., появляется еще один роман — «Счастливая Москва»[6]; только этот роман мы находим в планах издательства на 1935 г., с пометами об объеме (15 а.л.)[7]. Как свидетельствует письмо Платонова в издательство от 6 декабря 1933 г.[8], в 1933 г. на рабочем столе Платонова находились оба романа. Из письма издательства от 9 декабря 1933 г. следует, что по просьбе Платонова («согласно В<ашего> письма») ему «предоставляется отсрочка в представлении рукописи “Счастливая Москва” до января 1934 г.»[9]. В заполненной 3 января 1934 г. справке для групкома Московского товарищества писателей (см.: [19, с. 318]) Платонов вообще не вспоминает о «Техническом романе», среди написанных называет повесть «Хлеб и чтение», указывает, что «заканчивает» роман «Счастливая Москва» и что принят к публикации рассказ «Любовь к дальнему»[10].

4 РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 8. По соглашению, Платонов предоставляет издательству на четыре года «исключительное право» на издание и переиздание «Технического романа»; соглашение на роман заключалось издательством вместо расторгнутых с автором договоров 1930 и 1931 гг. на рукописи «Впрок», «Сокровенного человека» и «Дирижабля».

5 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 31, 66. Пометы: «дог<овор>» и объем романа — 15 а.л.

6 Там же. Л. 7. См. также: Л. 46, 143, 204.

7 Там же. Л. 27. Помета: «Дог<овор> отсроч<ен> до 1/X-34».

8 В письме в сектор современной художественной литературы ГИХЛ Платонов сообщал, что рукопись романа «Счастливая Москва» будет представлена в январе 1934 г., что ее задержка связана с болезнью и с тем «обстоятельством», что «по одному договору пишу не один роман, а два (“Сч<стливая> Москва” — второй, первый — “Техн<ический> Роман”)» (ОР ИМЛИ. Ф. 7. Оп. 3. Ед. хр. 41. Сообщено Д.С. Московской).

9 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4410. Л. 115.

10 С большими изъятиями и явно редакционной правкой рассказ опубликован во втором номере журнала «30 дней» за 1934 г. Журнал, как указано в его выходных данных, сдан в производство 27 января 1934 г., подписан к печати 27 февраля (см.: 30 дней. 1933. № 2. С. 80). Это первая публикация Платонова после драматической истории с «Впрок».

Похоже, что уже в 1933 г., отложив в сторону «Технический роман», писатель приступил к написанию романа «Счастливая Москва», включаясь в огромную культурную акцию лета 1933 г. «Москва пролетарская ждет своего художника» — создать образ новой пролетарской Москвы[11]. Как видно из приведенного письма в издательство, он обещал завершить новый роман к январю 1934 г. Возможно, отправленный машинистке фрагмент автографа (71 страница) с пометой «Продолжение следует»[12], готовился для отчета перед издательством и для пролонгации договора. О том, что к январю 1934 г. работа не была завершена, свидетельствуют упоминаемые в тексте реалии времени. Лишь один пример. В 10-й главе романа Божко, желая сформулировать смысл новой — советской *этики*, обращается к ее эталону — поведению Сталина, и напоминает о картинке, хранящейся в памяти всех присутствующих:

> …Продумайте это, товарищи, по-советски и человечески, — вы помните, как Сталин нес урну с прахом инженера Федосеенко… Хотя горе товарища Сарториуса необыкновенно, благодаря его чувству, но утешить его надо обыкновенной мерой… [30, с. 75].

В этом предложении Божко воссоздается картина одного из исторических дней XVII съезда партии, тогда же названного «Съездом победителей», когда разбился стратостат «СССР». 2 февраля 1934 г. на Красной площади прошел траурный митинг и похороны героев; все газеты дали фотографии с подписью: «тт. Сталин, Молотов и Ворошилов несут урны с прахом погибших» и биографиями летчиков[13]. Командир экипажа стратостата летчик-испытатель П.Ф. Федосеенко (1898–1934) был родом из Воронежской губернии. Скорее всего, именно поэтому и появилось в романе упоминание этого исторического события февраля 1934 г. Еще один воронежский след.

11 О том, как шла разработка московского проекта в советской литературе 1933–1934 гг., см.: [6; 7].

12 *Платонов А.* Счастливая Москва. Автограф // ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 46. С. 71. Здесь и далее при цитировании автографа указывается авторская нумерация страниц.

13 См.: Правда. 1934. 3 февраля. С. 1.

***

О том, что роман «Счастливая Москва» не был завершен, исследователям было известно давно: в фонде Платонова РГАЛИ с 1951 г. находится машинопись неполных 6 глав романа, с пометой на последней странице «Продолжение следует»[14]. Этот источник долгое время оставался единственным свидетельством о неоконченном романе, над которым писатель работал в 1930-е гг.

При подготовке первой публикации романа, выполненной на основе автографа семейного архива [29], перед нами стояла задача собрать *завершенный* текст «Счастливой Москвы»», т. е. свести основной блок листов романа из папки с материалами к роману «Путешествие из Ленинграда в Москву» с несколькими недостающими в автографе страницами, которые были выявлены среди других документов семейного архива.

За опубликованным в 1991 г. романом сразу закрепилось понятие незавершенного текста, что представляется вполне объяснимым с текстологической точки зрения. Автограф романа не имеет традиционной практически для всех платоновских текстов записи «Конец» на последней странице. В автографе не снято около сотни вопросов на полях с разными пометами, в том числе две пометы «Сократить», одна «Короче», три пометы о вставках (две из них вместо сокращенного фрагмента), одиннадцать помет о согласовании разных типов. Не все главы пронумерованы (авторская нумерация глав заканчивается на 9-й главе); на первой странице автографа заглавие «Счастливая Москва» с записью для машинистки («3 экз.») вымарано и вместо него вписано новое: «Путешествие из Л<енинграда> в М<оскву>». К этим признакам незавершенности текста можно добавить и информацию из приведенных выше планов издательства, в которых значится, что договор на «Счастливую Москву» предполагал текст в 15 авторских листов, имеющаяся же рукопись составляет только треть от запланированного.

Как это ни парадоксально, но опубликованный с признаками незавершенности текст романа не воспринимался ни переводчиками, ни читателями, ни писателями, ни исследователями как произведение неоконченное.

14 *Платонов А.* Счастливая Москва. Машинопись с правкой автора // РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 41. Из машинописи Платоновым была изъята 2-я глава, возможно, для подготовки какой-то публикации рассказа «Любовь к ближнему». Первые машинописи, сделанные с автографа рассказа согласно имеющимся на первой странице пометам («3 экз.» и дата «8/VIII», карандаш), в настоящее время не выявлены.

О незавершенности как проблеме текста романа «Счастливая Москва» вспоминали и вспоминают нечасто. Этим вопросом с ответом на него завершается статья М. Михеева: «Однако почему Платонов так и оставил рукопись “Счастливой Москвы” незавершенной? Не потому ли, что так и не смог найти окончательного рецепта, каким путем перерождений достичь искупления и спасения для всего мира?» [12, с. 170]. Если так поставить вопрос, то получится, что Платонов не захотел повторять уже найденный им и в «Чевенгуре», и в «Котловане» ответ на этот вопрос. В таком подходе есть свои резоны, как и в утверждении В. Вьюгина, сопоставившего героев «Строителей страны» (первая редакция романа «Чевенгур») и «Счастливой Москвы»: «Роман “Счастливая Москва” <...> тоже представляется всего лишь начальным, пратекстом для какого-то иного произведения. Может быть, поэтому не раз срывались попытки Платонова опубликовать его?» [4, с. 273][15].

Размышляя о дальнейшей неясной судьбе заглавной героини Москвы Честновой, исследователи обращаются к записным книжкам, в которых Платонов регулярно делал наброски на тему финала и судеб главных героев романа, но оставил эти решения за границами текста. Вот как эту ситуацию видит прозаик Н. Божидарова: «В “Счастливой Москве” повествование, оборвавшись, продолжается в набросках и в записных книжках. Текст выходит за пределы и самой литературы, проникая в эпоху, в историю, в жизнь. Освобожденный от собственных рамок, текст освобождает и читателя от готовых схем. Границы жанров расплываются. Незавершенность “Счастливой Москвы” становится малозначимой. Сюжет и композиция “раскручиваются” с почти ритмичным и закономерным появлением основных персонажей» [3, с. 298–299].

Позволим остановиться на тезисе незавершенности романа, обратившись к последним страницам автографа «Счастливой Москвы»[16]:

15 Документы о попытках прижизненных публикаций романа не выявлены. Первая страница автографа «Счастливой Москвы» с вычеркнутым заглавием может свидетельствовать, что Платонов мог использовать текст «Счастливой Москвы» для написания романа «Путешествие из Ленинграда в Москву».

16 Текст романа представлен методом транскрипции: зачеркнутый текст заключен в квадратные скобки; в квадратных скобках и курсивом дается первый вариант; вписанный сверху или рядом вариант замены — полужирно.

> Ночью, когда жена и сын уснули, [*Иван Михайлович*] **Семен Иванович** стоял над лицом Матрены Филипповны и наблюдал, как она [*была*] **вся** беспомощна, как жалобно было сжато ее лицо в [тоске или усталости] тоскливой усталости и глаза были закрыты как добрые, точно в ней, когда она лежала без сознания, покоился **древний** ангел.

Образ древнего ангела (определение «древнего» выписано сверху другим карандашом), что чудится Сарториусу-Груняхину в уснувшей сварливой жене, вырастая до символа спящего человечества, отменяется прямым авторским словом, завершающим данную зарисовку формулой экзистенциального содержания:

> Если бы все человечество лежало спящим, то по лицу его нельзя было бы узнать его **настоящего** характера [и обману] и можно обмануться[17].

Приведенные финальные строки можно прочитать как жесткий авторский комментарий к мечтаниям героев романа и их дерзким картинам нового мира, а также в целом к пережитому каждым из героев личному «периоду молчания», к тому «краю безмолвия», к которому они все подошли. Можно сказать, что философски, эстетически и стилистически роман завершен. Этот наш вывод о завершающей финальной точке романа подсказывает все тот же автограф, в котором обнаруживается первый вариант финала романа. В этом варианте авторское слово также завершает ночные размышления Сарториуса-Груняхина о его пути опрощения через семейную жизнь:

> А здесь, в тишине семейства, чувство утомляется прежде, чем оно вырастет в опасность и глаза глядят померкшими, не замечая [воздуха на небе и] лиц других людей [на улице] и воздуха на небе. Иван Михайлович часто пробовал ребра и тело [рядом] лежащей рядом [*жены*] жены, — какая тайна заключается в ней? Она спала, вдали на диване сопел ее уцелевший ребенок, за стеной в другой квартире кто-то кашлял и бормотал непонятное. Груняхин ложился вниз лицом и сжимал глаза, все еще болевшие немного; он вспоминал Москву Честнову, спящую сейчас неизвестно где. Пусть **она** спит

17 *Платонов А.* Счастливая Москва. Автограф // ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 46. С. 231.

отдельно и [*вдалеке*] **далеко**, но жизнь должна быть [*исследована и решена.*] **испытана и пережита вся**[18].

По интонации это, конечно, не сентиментальный, но все-таки более мягкий, чем во втором финале, вариант «мысли семейной», а завершение романа выполнено традиционным закольцовыванием темы любви и судьбы заглавной героини романа. Но Платонов от него отказывается (этот замечательный фрагмент вычеркнут).

О том, когда Платонов поставил финальную точку в автографе романа, — чуть ниже.

В отличие от влюбленных в текст читателей, для которых вопрос о незавершенности / завершенности романа является «малозначимым», для текстологов он встал со всей остротой при подготовке текста «Счастливой Москвы» к публикации в 5 томе издания «Сочинения» А. Платонова. В традиционные разделы академических собраний сочинений — основной текст (завершенный), редакции, неоконченное / незавершенное, наброски — «Счастливая Москва» не вписывается. Однако если выйти за рамки принятых текстологических канонов и рубрик, которые, заметим, в отечественной текстологии были сформулированы на материале русской литературы XIX в., и обратиться к литературно-философскому контексту XX в., то в его модернистском и авангардистском поле найдем примеры и даже философское обоснование принципиальной «незавершаемости» текста как признака литературы нового века, отмеченной новыми формами выражения мысли и собирания мира как целого, иным построением образов героев[19] и т. п. Примечательно, что исследователи Платонова выявили в содержании и жанрово-стилевых решениях «Счастливой Москвы» черты нескольких типов романа XX в.: культурфилософского, интеллектуального [10, с. 131, 144], философского [8; 14; 15, с. 271–307], символистского и авангардистского [17], романа-аллегории [5], романа-фрагмента [9]

18 Там же. С. 229–230. Разные именования героя появились в автографе после сцены на рынке, когда инженер Семен Сарториус приобрел себе новый паспорт на имя Ивана Степановича Груняхина и резко изменил свою жизнь, и сохраняются до последней страницы.

19 Теоретическому и историко-философскому обоснованию статуса принципиально незавершаемого произведения в русской литературе конца XIX – первой четверти XX в. посвящена работа Н.Н. Смирновой «Фрагмент и незавершаемое произведение: замысел, чтение» [16, с. 8–10].

и даже обнаружили признаки «одного из первых проявлений постмодернизма» [11, с. 653].

Эстетика и философия Платонова существуют в романе «Счастливая Москва» по *своим* законам, в заново творимой системе временных координат повествования, где есть только «времена года», а их смена не поддается привычному объяснению; построение образов персонажей и их появление на страницах романа мотивированы некоей общей авторской философской идеей о новом мире и новом человеке, разрешению которых посвящены судьбы всех героев, включая заглавную героиню романа; сама новизна повествования являет борьбу отрицания и принципиального освоения, вспахивания философской и литературной традиции, что запечатлелось на одной из картин Комягина в полете образа над бездной: «рожь над оврагами» [30, с. 63].

Своей принципиальной незавершаемостью роман «Счастливая Москва» включен в контекст большой европейской[20] и русской литературы этого десятилетия. Пожалуй, никогда за весь XX в. русская литература — на двух ее полюсах — не переживала так трагически не только классическое — толстовское («гордость мысли»), но и новое: «грех перед мыслью» [24, с. 182][21], распад традиционной исторической жизни, ее обезбожение, в пространстве которого оказалась душа человека, без «дыханья Бога на своем лице» тоскующая о любви:

> Жизнь больше не понимает этого языка. Душа еще не научилась другому. Так болезненно отмирает в душе гармония. Может быть, когда она совсем отомрет, отвалится, как присохшая болячка, душе станет снова первобытно-легко. Но переход медленен и мучителен. Душе страшно. Ей кажется, что одно за другим отсыхает все, что ее животворило. Ей кажется, что отсыхает она сама. Она не может молчать и разучилась говорить. Она судорожно мычит, как глухонемая, делает безобразные гримасы [23, с. 18].

Платонов философскую коллизию культуры нового века сформулирует в лаконичной записи огромного смыслового потенциала: «Атомный

20 Европейские контексты «Счастливой Москвы» будут откомментированы Платоновым в статьях о романах Э. Хемингуэя, Р. Олдингтона, К. Чапека.

21 О типологическом сходстве художественных миров А. Платонова и В. Набокова и обосновании этого сходства, «при всем несходстве судеб», см.: [18, с. 332–333].

зной = искусство: оппозиция бога» [26, с. 263], опишет в романе «Счастливая Москва» в сценах мучительной борьбы его героев с душой, борьбы, в которой они переживут поражение, признав для себя, что «душа есть у всех» [30, с. 73]. Описание разлома исторического времени (прошлого — настоящего — будущего), драматически переживаемого героями романа, отдано в романе инженеру Сарториусу, наблюдающему на Крестовском рынке продажу предметов дореволюционной жизни и быта:

> Сарториус долго стоял перед этими портретами прошлых людей. Теперь **их** намогильными камнями вымостили тротуары новых городов и [четвертое или пятое] третье или четвертое **краткое** поколение топчет где-нибудь надписи — «здесь погребено тело купца 2-й гильдии города Зарайска, Петра Никодимовича Самофалова, полной жизни его было… Помяни мя господи **во царствии твоем**» — «Здесь покоится прах девицы [Серафимы] Анны Васильевны [Смирновой] Стрижевой… Нам плакать и страдать, а ей на господа взирать…»
>
> Вместо бога, сейчас вспомнил умерших Сарториус и содрогнулся от ужаса жить среди них, — в том времени, когда [размножа] не сводили лесов, убогое сердце было вечно верным одинокому чувству, [и] в знакомстве состояла [одн] лишь родня и мировоззрение было волшебным и [убогим] терпеливым, а ум скучал и плакал по вечерам [над] при керосиновой лампе или в светящий полдень лета — в [*богатой*] **обширной**, шумящей природе; когда [девуш] жалкая девушка, преданная, верная, обнимала дерево от своей тоски, глупая и милая, забытая теперь без звука. Она не Москва Честнова, она Ксения Власьевна[22] Смирнова, ее больше нет и не будет[23].

***

«Счастливая Москва» занимает особое место в творчестве Платонова 1933–1935 гг., выступая в том качестве, о котором говорил М. Бахтин, называя роман «предельным осуществлением» [2, с. 81] художественной прозы. Незавершаемый текст романа — это открытая художественная ла-

22 Сверху вписано: [Иннокентьевна] Иннокентьевна. Однако первый вариант не был зачеркнут.

23 Платонов А. Счастливая Москва. Автограф. С. 204–205. См. также опыт динамической транскрипции автографа: «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. С. 96.

боратория, перекресток тем, узел добывания смысла современности, поиск ответа на вечный для Платонова вопрос об истине, сформулированный им еще в пору юношеских исканий: «Истины теперь хотят огромные массы человечества. Истины хочет все мое тело» [27, с. 164], адресованный в «Счастливой Москве»:

1) новому историческому периоду страны (2-я пятилетка со своим комплексом конкретных героических и трагических тем, освоенных в романе; добавим к приведенным определениям романа, что это и социальный роман),

2) современной литературе (объявленный М. Горьким, Оргкомитетом ССП и читателями список новых и «обойденных» тем, требующих художественного освоения; среди них: социалистическая Москва, строительство Московского метрополитена, современная молодежь, новая женщина, техника, покорение неба и др.)

и, конечно,

3) собственной жизни, как литературной (не опубликованы роман «Чевенгур», повести «Котлован» и «Ювенильное море», не реализован замысел нового романа 1931 г., который то ли был не написан, то ли не дописан, или же утрачен), так и далекой от ее страстей (служба инженера).

Этот событийный ряд общей и личной жизни лета 1933 – конца 1934 г. нашел отражение в романе в масштабных и мельчайших фактах, деталях, сюжетах времени и символах советской эпохи. Роман оркеструет актуальные темы советской столицы, «очага центрального» страны и мира, современной Европы («Мусорный ветер») и Азии («Такыр», «Джан»), современной технической цивилизации («О первой социалистической трагедии»), организует экспозиции в трагедии «14 Красных избушек» и в повести «Джан».

Если роман «Чевенгур» вырастал из богатейшей грибницы повестей 1926–1927 гг., то роман «Счастливая Москва» сам выступает организующим центром этого периода философско-эстетического поиска Платонова.

В такой постановке вопроса о статусе «Счастливой Москвы» важным представляется ответ на вопрос, когда была поставлена финальная точка в автографе, т. е. установлена дата окончания работы над текстом романа. Платонов щедро поделился ответом на наш вопрос и оставил на последних шести страницах автографа две прямые подсказки. Первая связана с упо-

минанием фильма «Пышка»[24], на который указывает дворник Матрене Филипповне, оставившей жить в своей квартире Сарториуса-Груняхина:

> — А ты прописывай его, — указал дворник на Груняхина, — не теряй женскую норму, а то и площадь упустишь, и сама будешь как Пышка в кино, только худощавая [30, с. 108].

Премьера кинофильма «Пышка» состоялась 15 сентября 1934 г. и шла почти во всех московских кинотеатрах по 4 октября[25]; в какой-то из этих дней имевший большую рекламу фильм посмотрел дворник, верно определивший социальный статус героини Мопассана и сравнив с ней Матрену Филипповну.

Вторая подсказка, ведущая к уточнению даты окончания работы над романом, имеется на предпоследней странице автографа:

> Наступал выходной день, когда люди живут **домашнему** чувствами, [общими] общими размышлениями и водят детей в кино. [*Иван Михайлович*] **Семен Иванович** тоже пошел в кино с Семеном поглядеть **советскую** комедию. Семен остался доволен, хотя картину покритиковал — для него были мелки такие проблемы, он сам пережил больше[26].

Для поиска фильма, указанного в приведенном фрагменте текста, были просмотрены последние страницы «Вечерней Москвы» за октябрь–декабрь 1934 г. Можно быть уверенным, что речь идет о фильме «Наследный принц Республики»[27], который сменил в афишах кинотеатров Москвы показ звукового фильма «Чапаев» (шел с 7 ноября). Фильм «Наследный принц Республики» анонсировался с 13 декабря, премьера состоялась 14 декабря: «Сегодня — и ежедневно самая веселая комедия сезона»[28]. Фильм

24 Художественный немой фильм «Пышка» (автор сценария и режиссер М. Ромм) был выпущен в 1934 г. «Москинокомбинатом» (с 1935 г. — «Мосфильм»).

25 Информация о премьере и идущих в Москве показах фильма «Пышка» дается по последней странице газеты «Вечерняя Москва».

26 *Платонов А.* Счастливая Москва. Автограф. С. 230.

27 Немой художественный фильм «Наследный принц Республики» (авторы сценария Р. Музыкант, Б. Чирсков; режиссер Э. Иогансон) снят на Ленинградской кинофабрике (с 1935 г. — «Ленфильм»).

28 Вечерняя Москва. 1934. 14 декабря. С. 4.

шел в кинотеатрах до конца года. Если обратить внимание на указанный в тексте романа «выходной» и на принятую тогда «шестидневку»[29], то это могли быть 18, 24, 30 декабря 1934 г. Мальчику Семену, напоминающему чевенгурского Прошку, пришлось пережить так много (уход из семьи отца, самоубийство старшего брата, появление в доме чужого мужчины), что история ребенка из фильма естественно представлялась ему сентиментальной. Центральный герой «Наследного принца Республики» малыш Сережа, от которого отказался родной отец и которого в трамвайной суете нечаянно потеряла мать, не остается сиротой, в его судьбе принимают участие многие — молодые архитекторы-новаторы, какой-то фантастический Дворец ребенка, весь город Ленинград. Отсюда название фильма и реакция Семена, для которого поставленные в кинофильме проблемы «мелки», потому что он «пережил больше».

Две кинематографические реалии появились в тексте романа не случайно: в декабре 1934 г. начали готовиться к «празднику советской кинематографии» и отмечать юбилейную дату — 15 лет советского кино; газеты сообщали о проходящих и предстоящих юбилейных мероприятиях: 20 декабря в Москве открылось третье Всесоюзное совещание работников кинохроники; 8 января 1935 — Всесоюзное совещание творческих работников кинематографии[30].

Вероятнее всего именно в конце декабря 1934 — первых числах января 1935 г. Платонов поставил точку в автографе романа. Думается, что тогда же, еще до начала второй поездки в Туркмению (14 января 1935 г.), он, перелистывая страницы автографа «Счастливая Москва» и перечитывая их, создает рассказ «Московская скрипка». Необходимые для рассказа фрагменты автографа романа (из глав 13 и 4) заново переписываются, с незначительной редактурой, уточнениями, и включаются в новую сюжетную канву рассказа. Там, где в автографе романа правка не была завершена (сверху слова или фразы вписан новый вариант, но первый вариант не зачеркнут), он использует второй вариант, но в автограф романа это решение не вносит.

29 В эти годы официально утвержденный календарь шестидневной рабочей недели («шестидневка») включал пять рабочих дней, шестой — выходной; выходными считались 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца.

30 Информация дается по газете «Советское искусство» за декабрь 1934 — январь 1935 г.

В качестве бумаги для 4-й страницы рассказа был использован лист, на обороте которого сохранился замысел другого произведения с заглавием «Старо-Гостиный Двор (Рассказ)» и несколькими записями к нему[31]. Но Платонов отказался от идеи превратить историю треста, в котором служил инженер Сарториус, в сюжет самостоятельного рассказа, и принял решение написать рассказ на тему искусства. Об этом замысле свидетельствует и переписанное в записную книжку стихотворение Н. Гумилева «Скрипка» [26, с. 151, 381].

Он оставляет герою рассказа имя героя романа, но меняет ему профессию, делая Семена Сарториуса не инженером, а скрипачом. Так образ старого «нищего скрипача» из «Счастливой Москвы» (в романе это образ второго плана и одновременно сквозной, прошедший через судьбы всех героев-идеологов) преобразуется в образ молодого человека советской страны, приехавшего, как и герои романа, в Москву, но с другой целью — учиться в консерватории, и сочиняющего в столице симфонию о воробье (очевидная аллюзия к чевенгурскому мужику, судьба которого в неопубликованном романе сравнивается с жизнью бедного воробья).

В рассказе появляется и лирическая героиня, метростроевка Лида Осипова, в написании истории которой Платонов использовал материал 4-й главы романа, однако ее история жизни радикально отличается от Москвы Честновой и формируется на основе наброска об инженере Москве Ивановне Явной (Честновой).

Машинописью, выполненной с автографа рассказа, мы в настоящее время не располагаем. Однако можно быть уверенным, что такая машинопись была сделана до отъезда Платонова в Туркмению и передана в какое-то издание, возможно, в альманах «Две пятилетки» или же в журнал «30 дней». Об этом оставил свидетельство выступавший на 2-м пленуме ССП (март 1935 г.) руководитель Союза писателей А.С. Щербаков, напомнивший критикам о прежних ошибках Платонова; к новым ошибкам писателя он отнес рассказ «Московская скрипка»:

> Центральной идеей рассказа является старая, затрепанная, затасканная идея о том, что искусство стоит вне политики, что оно живет по своим

31 *Платонов А.* Московская скрипка. Автограф // ОР ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 4 об.

собственным законам, не подчиняющимся людям, и не поддается руководству:

> Андрей Платонов пишет: «Играя, Сарториус опять не мог понять своего инструмента, почему скрипка играла лучше, чем он мог, почему мертвое и жалкое вещество скрипки производило из себя добавочные живые звуки, играющие не на тему, а глубже темы, искуснее игры скрипача. Рука Сарториуса лишь тревожила скрипку, а пела и вела мелодию она сама, привлекая к себе на помощь скрытую гармонию окружающегося пространства, и все небо тогда служило экраном для музыки, возбуждая в темном существе природы родственный ответ на волнение человеческого сердца... Природное вещество играет внутри почти само по себе и умнее игры скрипача». Как видите, идейка старая, потрепанная и затасканная, и вытаскивать ее в 1935 году по меньшей мере неумно [22, с. 322][32].

«Счастливая Москва» остается в поле рефлексии Платонова о судьбах героев романа, прежде всего Москвы Честновой и Сарториуса. Это и страницы записных книжек 1935–1936 гг., и, конечно же, знаменитые рассказы о любви 1936 г. («Река Потудань», «Фро») и героях железнодорожного транспорта («Среди животных и растений»). Он не раз будет возвращаться к проблематике «Счастливой Москвы» в литературно-критических статьях 1937–1940 гг. В вопросах к финалам романов А. Грина («Алые паруса») и Э. Хемингуэя («Прощай, оружие!»), близких роману Платонова, конечно же, темами любви и счастья, которые пытались обрести его герои, проговариваются принятые писателем решения и ответы на вопрос, почему работа над «Счастливой Москвой» была остановлена там, где остановлена, и завершена так, как завершен роман — сквозным образом «безмолвия»:

> И даже любовное счастье пары людей невозможно или оно приобретает пошлую животную форму, если любящие люди не соединены с большой действительностью...

32 В «Литературной газете», где материалы пленума печатались в сокращении, при публикации выступления Щербакова (10 марта. С. 2) была опущена цитата из рассказа. Однако Платонов, конечно, знал эту оценку. Думается, это была одна из причин проведенной в рассказе замены фамилии главного героя с Сарториуса на Вещего, что, конечно, больше соответствовало и его новому призванию (машинописи рассказа находятся в фондах Платонова ИРЛИ и ИМЛИ).

А чем питаться Ассоль и Грею в пустынном море и в своей любви, замкнутой лишь самое на себе? [28, с. 110, 111];

Можно ли было найти более лучшее завершение романа? <...> Остается лишь заплакать или завопить о судьбе человека... нужно спрятать свой вопль, превратить его в безмолвие... [28, с. 212, 213].

Список литературы

Исследования

1 *Антонова Е.* Москва Андрея Платонова // Московский журнал. 1999. № 8. С. 10–17.

2 *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

3 *Божиданова Н.* Абсурд ситуации в романе (Сарториус и Комягин) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 298–302.

4 *Вьюгин В.* Поэтика А. Платонова и символизм // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 267–272.

5 *Друбек-Майер Р.* Россия — «пустота» в кишках мира. «Счастливая Москва» (1932–1936) А. Платонова как аллегория // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 251–267.

6 *Корниенко Н.* «Москва во времени». Об одной литературной акции 1933 года // Октябрь. 1997. № 9. С. 147–157.

7 *Корниенко Н.* «Пролетарская Москва ждет своего художника» (К творческой истории романа) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 357–371.

8 *Костова Х.* Московское пространство в романе «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. С. 640–652.

9 *Красовская С.* «Счастливая Москва» А. Платонова — роман-фрагмент: проблема тематической завершенности и композиционной незаконченности // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. С. 44–56.

10 *Лысов А.* «Счастливая Москва» и «Град всечеловечества»: о концепции культуры в творчестве Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 131–142.

11 *Макарова И.* Искусство примитива («Счастливая Москва») // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. С. 653–665.

12 *Михеев М.* Платоновская душа (или неполучившаяся утопия) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 159–170.

13 *Мущенко Е.* Поиски четвертого измерения // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 143–152.
14 *Савельзон И.* Категория пространства в художественном мире А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 233–243.
15 *Семенова С.* Метафизика русской литературы. М.: Издат. дом «ПоРог», 2004. Т. 2. 512 с.
16 *Смирнова Н.Н.* Фрагмент и незавершаемое произведение: замысел, чтение. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2023. 288 с.
17 *Эйдинова В.* «Счастливая Москва» как модификация стиля и слова А. Платонова: структура подмены // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 222–233.
18 *Яблоков Е.* «Царство мнимости» в произведениях А. Платонова и В. Набокова начала 30-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 332–342.

Источники

19 Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии / сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994. 496 с.
20 А. Платонов — инженер треста «Росметровес» / статья и публ. Е. Антоновой // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. С. 786–804.
21 Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. 672 с.
22 Второй пленум Союза советских писателей СССР. Март 1935. Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1935. 514 с.
23 *Иванов Г.* Распад атома // *Иванов Г.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2. С. 5–34.
24 *Набоков В.* Дар // *Набоков В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. С. 5–330.
25 От редакции // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН. 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 5–14.
26 *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии / публ. М.Анд. Платоновой; сост., подгот. текста, примеч. и предисл. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 424 с.
27 *Платонов А.* Пролетарская поэзия // *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Т. 1. Кн. 2. С. 162–167.
28 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Т. 6: 1936–1941. Кн. 3: Литературная критика. Публицистика. 1136 с.
29 *Платонов А.* Счастливая Москва / публ. М.Анд. Платоновой; подгот. текста и коммент. Н.В. Корниенко; послесловие С. Залыгина // Новый мир. 1991. № 9. С. 9–76.

30 *Платонов А.* Счастливая Москва // *Платонов А.* Счастливая Москва. М.: Время, 2010. С. 9–110.
31 *Платонов А.* «…я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н.В. Корниенко и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Редакция Елены Шубиной, 2019. 720 с.

References

1 Antonova, E. “Moskva Andreia Platonova” [“Moscow by Andrei Platonov”]. *Moskovskii zhurnal*, no. 8, 1999, pp. 10–17. (In Russ.)
2 Bakhtin, M. *Voprosy literatury i estetiki* [*Questions of Literature and Aesthetics*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
3 Bozhidanova, N. “Absurd situatsii v romane (Sartorius i Komiagin)” [“The Absurdity of the Situation in the Novel (Sartorius and Komyagin)”]. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov’s “Country of Philosophers”: Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 298–302. (In Russ.)
4 V’iugin, V. “Poetika A. Platonova i simvolizm” [“A. Platonov’s Poetics and Symbolism”]. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov’s “Country of Philosophers”: Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 267–272. (In Russ.)
5 Drubek-Maier, R. “Rossiia — ‘pustota’ v kishkakh mira. ‘Schastlivaia Moskva’ (1932–1936) A. Platonova kak allegoriia” [“Russia as a ‘Void’ in the Guts of the World. ‘Happy Moscow’ (1932–1936) by A. Platonov as an Allegory”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 9, 1994, pp. 251–267. (In Russ.)
6 Kornienko, N. “‘Moskva vo vremeni’. Ob odnoi literaturnoi aktsii 1933 goda” [“‘Moscow in Time.’ About a Literary Action in 1933”]. *Oktiabr’*, no. 9, 1997, pp. 147–157. (In Russ.)
7 Kornienko, N. “‘Proletarskaia Moskva zhdet svoego khudozhnika’ (K tvorcheskoi istorii romana)” [“‘Proletarian Moscow Is Waiting for Its Artist’ (To the Creative History of the Novel)”]. *“Strana filosofov” Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov’s “Country of Philosophers”: Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 357–371. (In Russ.)
8 Kostova, Kh. “Moskovskoe prostranstvo v romane ‘Schastlivaia Moskva’.” [“The Moscow Space in the Novel ‘Happy Moscow’.”] *“Strana filosofov” Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov’s “Country of Philosophers”: Problems of Creative Work*], vol. 4. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp. 640–652. (In Russ.)
9 Krasovskaia, S. “‘Schastlivaia Moskva’ A. Platonova — roman-fragment: problema tematicheskoi zavershennosti i kompozitsionnoi nezakonchennosti” [“‘Happy Moscow’ by A. Platonov — A Fragment Novel: The Problem of Thematic Completeness and Compositional Incompleteness”]. *Problemy khudozhestvennogo miromodelirovaniia v russkoi literature* [*Problems of Artistic World Modeling in Russian Literature*].

Blagoveshchensk, Blagoveschensck State Pedagogical University Publ., 2006, pp. 44–56. (In Russ.)

10 Lysov, A. "'Schastlivaia Moskva' i 'Grad vsechelovechestva': o kontseptsii kul'tury v tvorchestve Platonova" ["'Happy Moscow' and 'The City of Humanity': On the Concept of Culture in Platonov's Work"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 131–142. (In Russ.)

11 Makarova, I. "Iskusstvo primitiva ('Schastlivaia Moskva')" ["The Art of the Primitive ('Happy Moscow')"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 4. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp. 653–665. (In Russ.)

12 Mikheev, M. "Platonovskaia dusha (ili nepoluchivshaiasia utopiia)" ["The Platonic Soul (Or the Unrequited Utopia)"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 159–170. (In Russ.)

13 Mushchenko, E. "Poiski chetvertogo izmereniia" ["The Search for the Fourth Dimension"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 143–152. (In Russ.)

14 Savel'zon, I. "Kategoriia prostranstva v khudozhestvennom mire A. Platonova" ["The Category of Space in the Art World of Andrei Platonov"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 233–243. (In Russ.)

15 Semenova, S. *Metafizika russkoi literatury* [*Metaphysics of Russian Literature*], vol. 2. Moscow, PoRog Publ., 2004. 512 p. (In Russ.)

16 Smirnova, N.N. *Fragment i nezavershaemoe proizvedenie: zamysel, chtenie* [*Fragment and Unfinished Work: Conception, Reading*]. Moscow, Canon+ROOI Rehabilitation Publ., 2023. 288 p. (In Russ.)

17 Eidinova, V. "'Schastlivaia Moskva' kak modifikatsiia stilia i slova A. Platonova: struktura podmeny" ["'Happy Moscow' as a Modification of the Style and Words of A. Platonov: The Structure of Substitution"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 222–233. (In Russ.)

18 Iablokov, E. "'Tsarstvo mnimosti' v proizvedeniiakh A. Platonova i V. Nabokova nachala 30-kh godov" ["'The Kingdom of the Imaginary' in the Works of A. Platonov and V. Nabokov in the Early 30s"]. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 3. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 332–342. (In Russ.)